

шляпы генеральскую треуголку съ плюмажемъ и, разговаривая, теребилъ его; но вся эта разсѣянность, неумѣніе войти въ гостиную и держать себя въ ней скрашивалось выраженіемъ простодушія, доброты и скромности.

Пьеръ съ десяти лѣтъ былъ посланъ за границу, гдѣ и пробылъ до 20 лѣтъ. Когда онъ вернулся въ Москву, отецъ сказалъ ему:

«Выбирай себя карьеру, я тебя не стѣсняю выборомъ».

Пьеръ уѣхалъ въ Петербургъ, ничего не дѣлалъ и ни на чемъ не могъ остановить своего выбора.

Быть военнымъ онъ могъ только въ томъ случаѣ, если бы война велась за свободу, но помогать «Англіи и Австріи воевать съ величайшимъ человѣкомъ въ мірѣ—Наполеономъ—не хорошо».

Дипломатія ни въ коемъ случаѣ не могла найти въ немъ сторонника, въ человѣкѣ, который ничего не можетъ скрыть и даже не всегда хорошо разбирается въ окружающемъ; живя чувствами, при томъ еще слишкомъ возвышенными, Пьеръ не могъ быть дипломатомъ.

Способность предаваться философскимъ мечтаніямъ была сильно развита, у Пьера Безухова.

Кутежи и гусарство, исканіе глубокаго смысла жизни—все удивительно уживалось въ немъ. Понимая все безмысліе подобнаго существованія, Пьеръ не разъ давалъ слово прекратить его, но тотчасъ же, какъ это всегда бываетъ съ людьми безхарактерными, ему страстно хотѣлось снова испытать эту столь знакомую ему, безпутную жизнь. Данное слово уже казалось ему ничего незначащимъ. «Всѣ честныя слова, вообще, условная вещь, не имѣющая ни-